

РОЛЬ ТРАДИЦИИ ПАЛОМНИЧЕСТВ В МЕНТАЛЬНЫХ УСТАНОВКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

The role of pilgrimage tradition in spirit life of Western Europe society of Middle Ages is reviewed. Primary motive of pilgrimage i.e. the will of divine salvation is revealed. The reasons of the restrictions appearance on pilgrimage are analyzed. The conclusion about lead role of the pilgrimages in the system of spiritual values of the Western Medieval Europe is made based on the defined functions of the religious journeys.

При изучении развития общества любого периода истории необходимо, прежде всего, обратить особое внимание на мировоззрение людей той эпохи. Так, коренные различия между современным человеком и человеком средневековья заключались не только в сфере материальных благ, техническом прогрессе, уровне образованности, костюмах и т. п., но и в гораздо более глубинных характеристиках, которые относятся к той сфере, которую принято определять как ментальность. Иными были сами жизненные ценности людей, смысл человеческой жизни.

Роль христианских ценностей в ментальности западноевропейского средневекового общества была доминантной. Распространение христианства в период Раннего средневековья не могло быть успешным, в случае если бы церковь не пошла на некий синтез языческих и христианских воззрений. Именно этот синтез предопределил оригинальность и своеобразие средневековой христианской религии. Выражением этого стали культ святых, поклонение их реликвиям, особое восприятие времени и пространства, эсхатология тысячного года и т. д. Особое место в проявлениях характерных черт средневекового менталитета занимали паломничества.

Христианские паломничества в эпоху западноевропейского средневековья являлись очень важной частью культуры общества, его духовной жизни. Причины, которые побуждали совершить паломничества, были связаны в первую очередь с христианской религией, с ее главной жизненной ценностью средневекового человека – спасением, для чего особое значение придавалось актам покаяния, искупления грехов и благодарения Бога верующим. В целом же, мотивы, которые могли подвигнуть совершить такое путешествие, могли быть разными: стремление излечиться от болезни, искупление паломничеством нарушений норм поведения в обществе, корпорации, семье, исполнение обета и т. д. Но анализируя данные мотивы, можно указать на то, что большая часть из них была напрямую связана с религиозностью. Более того, пронизанная религией жизнь средневекового общества с

господствующей церковной доктриной неотъемлемой греховности человека делала главной причиной совершения паломничеств желание сверхъестественного спасения. Все остальные мотивы прямо или опосредованно исходили из этой ценности, в том числе и в греховности человека (еще от первородного греха). Искупление, преодоление греховности, мыслилось как путь к спасению. И паломничество становится одним из его средств.

Религиозное путешествие в этом контексте имело статус важнейшего предприятия в жизни средневекового западноевропейца. И именно Иерусалим был самым притягательным местом паломничеств, оставляя в тени все остальные религиозные центры. Город ассоциировался с «Небесным Иерусалимом», местом страстей Господних и центром всего мироздания. Рим, Сантьяго-де-Компостела, Кентербери и многие другие города, которые привлекали богомольцев, были значительно ниже по статусу почитания. Таким образом, в сознании средневекового общества началась выработываться, в некоем смысле, градация паломничеств по уровню благочестия. На первых местах этого «рейтинга» для западноевропейцев стояли Иерусалим, Рим и, начиная с IX в., Сантьяго-де-Компостела [5, р. 175]. Менее почитаемыми были локальные святыни, находившиеся недалеко от места проживания богомольца, а также иные западноевропейские города, которые имели какие либо реликвии.

С конца X в. в церковную практику входит новое правило прощения грешника, предвосхитившее индульгенцию и идею Чистилища. Оно декларировало возможность смягчения преступления в случае наличия раскаяния, которое могло проявиться в добрых делах грешника. И в первую очередь – в совершении паломничества. Возможно, этим объясняется та массовость паломничеств XI в. Идея искупительного паломничества накануне начала крестовых походов овладела многими умами общества той эпохи.

Четкое же разделение искупительных паломничеств на «малые» (локальные) и «великие» (далекие религиозные путешествия в наиболее почитаемые центры христиан) связано с началом активной деятельности института инквизиции [4, р. 119-122]. Борьба с ересями, особенно в Лангедоке в XIII в., потребовала фиксации в гражданском средневековом праве такой меры наказания, как искупительное паломничество. Инквизиция Лангедока внесла добавление в градацию наказаний, связанных с религиозными путешествиями. Наряду с «великими» и «малыми» паломничествами, назначались паломничества «за море» т. е. в Палестину [7, р. 145].

Выбор пункта назначения паломничества грешников разрабатывался одним из наиболее известных инквизиторов доминиканцем из Тулузы Бернардом Ги (1261–1331 гг.). В труде «Practica Inquisitionis Hereticae Pravitatis» («Руководство инквизиции по еретическому злу») Бернардом Ги

было четко выделено девятнадцать центров почитания для совершения малых паломничеств и четыре центра для совершения великих (Кентерберги, Сантьяго-де-Компостела, Кёльн и Рим) [2, р. 37-39].

Однако же, практика наказания длительным паломничеством не всегда находила применение в светских судах. Зачастую религиозное путешествие заменялось денежной выплатой. Более того, в XIV в. появились точные расценки замены паломничеств в определенные святыни. Но такая практика не касалась инквизиции. По мнению ее руководства, лишь старые и немощные могли откупиться от паломничества [7, р. 150].

В целом же можно отметить, что паломничество вообще с некоего момента стало пониматься средневековым обществом, как метафора всей жизни христианина. Человек был путником в земном мире, движущимся к спасению, к Небесному Иерусалиму [3, р. 125]. Августин Блаженный, а за ним Григорий Великий противопоставили метафорическое паломничество, как духовный путь к спасению верующего, земному физическому паломничеству [6, р. 139]. Это оказало большое влияние на феномен паломничества в средневековье и, в первую очередь, привело к попыткам регламентации паломничеств. Ведь по этой доктрине христианину, чтобы достигнуть Небесного Иерусалима, не обязательно было совершать путешествие в Иерусалим земной. Спасения можно было достигнуть благочестивыми делами, оставаясь в месте своего жительства. Следует отметить, что критический взгляд на совершение далеких паломничеств появился практически с момента их начала. Григорий Нисский уже в IV в. отмечал, что «Божие присутствие есть повсюду и полагать, что в Святой Земле оно явственнее, нежели во всяком другом месте, – большое заблуждение» [1, р. 120-121].

Таким образом, паломничество в системе христианских ценностей западноевропейского общества занимало одно из ведущих мест. Чем же был вызван такой высокий статус? В первую очередь, следует отметить, что христианские паломничества были важным составным элементом всей религиозности и духовной культуры средневекового общества. Религия была неотъемлемой частью жизни средневекового человека, диктовавшей ему нормы и духовные ориентиры. Главной ментальной установкой выступало стремление человека к спасению, сочетавшееся с убеждением в греховности каждого человека. Путь к сверхъестественному спасению, обретению счастливой доли в будущей вечной неземной жизни представлялся только через покаяние, искупление грехов. И одним из самых распространенных средств к искуплению было совершение паломничества. Когда греховность человека осознавалась им самим, то тогда паломничества предпринимались на добровольной основе. Главным стремлением таких религиозных путешествий было получение спасения в загробной жизни путем приобщения к благочестию посещаемых святынь.

В ментальности средневекового общества понятие «паломничество» метафорически ассоциировалось с земной жизнью человека, как путника ищущего пути к Богу. Все это придавало феномену средневекового паломничества его важнейшую функцию, а именно – религиозную.

С другой стороны, грехи человека могли иметь связь с нарушением норм поведения, с различного рода отклонениями, совершением уголовных или административных правонарушений. В этом случае паломничество играло важную нормативно-этическую функцию, которая была средством регулирования церковью норм морали и поведения человека. Паломничество становится одной из мер наказания за нарушение этих норм. Особую роль в контексте наказаний религиозное паломничество приобрело в XIII в. в связи с деятельностью инквизиции. Именно в это время устанавливается надолго закрепившаяся градация паломничеств на «малые» и «великие».

Уже с конца античности четко прослеживается тенденция к установлению контроля высших церковных иерархов над паломническим движением. Такой процесс представляется неизбежным, поскольку феномен паломничества базировался на главной христианской ценности – сверхъестественном спасении человека. А «вне церкви – нет спасения» – эта идея сотериологической миссии церкви, сформулированная Киприаном, стала постулатом христианства еще в поздней античности. В христианстве не сформировалось положение об обязанности каждого верующего совершить паломничество к главным религиозным святыням (подобно хаджу в исламе), что во многом было обусловлено бурными политическими потрясениями в период поздней античности и Раннего средневековья в Европе и на Ближнем Востоке. Стихийность христианского паломничества являлась недопустимой для руководства церкви, особенно в Раннем средневековье, когда появилось множество новых объектов паломничеств и отчетливо проявлялись следы языческих представлений в массах новокрещенных народов Европы. Самые серьезные меры были предприняты по ограничению монашеского паломничества. С одной стороны, они вписывались в общую тенденцию ограничения передвижения монахов – соответствующие каноны вселенских соборов V–VII вв. свидетельствуют о длительности и сложности этого процесса, являвшегося составной частью установления контроля епископата над монашеством. С другой стороны, в католической церкви с начала Высокого средневековья резкое ужесточение отношения к паломничествам монахов стало результатом клонийского движения за реформу монашества и церкви с его борьбой за независимость церкви от светской власти, отделения церковной иерархии от светской феодальной иерархии. В целом, можно заметить нарастающую тенденцию к ограничению паломничеств, которая, однако, отнюдь не имела

запретительного характера и подверглась серьезной трансформации в период крестовых походов.

Список использованных источников

1. Gregory of Nyssa. The letters / Gregory of Nyssa ; ed. A. Silvas. – Leiden ; Boston : Brill, 2007. – XIX, 283 p.
2. Guidonis, B. Practica inquisitionis hereticae pravitatis / B. Guidonis ; ed. G. Douais. – Paris, 1886. – XII, 370 p.
3. Herwaarden, J. Between Saint James and Erasmus: studies in late-medieval religious life: devotions and pilgrimages in the Netherlands / J. Herwaarden. – Leiden ; Boston : Brill, 2003. – XXXVII, 703 p.
4. Mackay, A. Atlas of medieval Europe / A. Mackay, D. Ditchburn. – London : Routledge, 1997. – 271 p.
5. Maddox, D. Fictions of identity in medieval France / D. Maddox. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. – 295 p.
6. Rivard, D.A. Blessing the world: ritual and lay piety in medieval religion / D.A. Rivard. – Washington : Catholic Univ. of America Press, 2009. – XII, 332 p.
7. Sumption, J. The age of pilgrimage: the medieval journey to God / J. Sumption. – Mahwah : HiddenSpring, 2003. – IV, 567 p.